

Судьба Югославии в сознании россиян

Нынешний кризис на Балканах — отнюдь не первый военный конфликт в этом регионе, приобретший международный масштаб. Как определить его этно-территориальные границы, сущность, причины и взаимоотношение элементов? Как назвать этот кризис: боснийский, югославский или балканский? Ведь сейчас — особенно в средствах массовой информации — эти разные определения стали почти синонимами.

Существует множество точек зрения на причины, характер и масштабы кризиса СФРЮ, ее распада и войны. Анализируя причины произошедших и происходящих событий в распавшейся Югославии и отношения между государствами-наследниками, одни специалисты и журналисты склонны видеть в них следствие внутренних процессов и соединения в едином государстве народов, принадлежащих к разным историко-географическим регионам Европы; другие усматривают в этих исторически обусловленных явлениях «мировой заговор» или глобальный конфликт религий и цивилизаций [1 —4]. Дискутируя о характере происходящего, одни исследователи трактуют события как гражданскую войну за средства производства и как выбор пути социально-экономического развития и политической системы; другие считают их межэтническим конфликтом, обусловленным как процессом национального самоопределения каждого из проживавших в СФРЮ народов, так и их взаимной несовместимостью, вытекающей из различий национального самосознания, культурных традиций, религиозной принадлежности и региональной идентичности; для третьих это межгосударственный конфликт за территориальные приобретения и стратегические преимущества. Этот список аналитических подходов можно продолжить.

Мне представляется, что при анализе событий в СФРЮ конца 1980—1990-х годов необходимо различать четыре разные по своей сути и причинам явления: 1) кризис многонационального государства; 2) распад экстерриториальной федерации; 3) война, вспыхнувшая между государствами-наследниками, ставшая одновременно и осуществлением военным путем национального самоопределения на данном историческом этапе; 4) временное мирное урегулирование. Эти явления и соответствующие стадии системного кризиса, к сожалению, часто либо вообще не отделяют друг от друга, либо рассматривают как стадии и формы процесса, с фатальной неизбежностью следующие одна за другой.

На ошибочность такой трактовки указывает, по-моему, хотя бы опыт нашей страны. Распад СССР (как продолжение распада Российской Империи) и СФРЮ (как продолжение распада Югославии), произошедший в рамках общего процесса дезинтеграции коммунистических многонациональных славянских федераций, связал стадийно и по сути проблемы сербов и русских, рассматривавших собственные страны как свои национальные государства, заставив их искать новые

Романенко Сергей Александрович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

формы национального самоопределения. Общность проблем заставляет наших соотечественников пристально всматриваться как в историю, так и в современный опыт Югославии, пытаясь найти в нем нечто поучительное для себя. Однако укоренившиеся мифологические представления мешают это сделать.

Балканский кризис глазами россиян

Балканские народы и их государства в течение двух веков были как субъектами, так и объектами международной политики, внешней политики ведущих мировых держав, в том числе России и СССР. Ныне эта традиция продолжается. И в Царском Селе, и в Кремле считали Балканы ареной европейского и мирового соперничества, а национальные движения балканских народов, позднее и их государства — средством осуществления своих интересов в этом регионе. Власти России, затем и СССР стремились превратить эти движения и государства в послушные орудия в своей глобальной политической игре и не хотели видеть объективных противоречий между собственными интересами балканских народов и интересами России. Не всегда учитывались и конфликтный характер отношений между самими балканскими и южнославянскими народами и их государствами, особенности «балканского менталитета», или (наоборот) Россия пыталась активно вмешиваться во внутривосточную борьбу.

Сейчас в Москве часто рассматривают балканский регион (да и в целом Центральную и Юго-Восточную Европу) как арену соперничества или «буфер» в отношениях с Западом. Многие проблемы решались и решаются не непосредственно с этими странами, а путем переговоров с ведущими державами-соперницами. Сами же государства Центральной и Юго-Восточной Европы в российском политическом сознании все еще не обрели самоценности. Это неизбежно приводило и приводит отечественную политику к неудачам. В этой связи, в частности, не удивительно отсутствие концепции политики новой России в данном регионе после распада СЭВ и Варшавского Договора. Сказались традиционные для российского и советского сознания пренебрежение к народам этих стран, их государственности и культуре и просто слабая информированность об их развитии.

Национальные движения балканских, в том числе и южнославянских народов (а затем и их независимые государства), со своей стороны всегда стремились использовать вес и силу России для обеспечения собственных интересов и достижения собственных целей (часто друг против друга). При этом они всегда выступали против доминирования в регионе России — цели, к которой та всегда стремилась, но никогда не могла достичь. Достаточно вспомнить конфликты в отношениях между Россией, с одной стороны, и Сербией и Болгарией — с другой, произошедшие после русско-турецкой войны 1875—1878 годов, конфликт И. Сталина и И. Броз Тито 1948—1953 годов. Балканы остались желанной, но недостижимой целью российской и советской внешней политики, в известном смысле роковым для исторических судеб самой России и ее народа регионом.

Нынешняя ситуация на Балканах во многом исторически обусловлена событиями прошлого и начала нынешнего столетий. Действительно, можно найти элементы геополитической ситуации, которые сохранили свое значение с начала XX века до сегодняшнего дня. К ним относятся:

- незавершенность процесса национального самоопределения югославянских народов;
- тесная связь югославянского и балканского вопросов с общей ситуацией в Европе и мире;
- неурегулированность противоречий между самими югославянскими народами и государствами;
- вовлеченность крупнейших государств мира в ситуацию и наличие собственных интересов соседних государств;
- нерешенность боснийской проблемы;
- тесные связи между русскими и сербскими националистами;

— неизменность основных принципов национализма каждого из славянских народов;

— спекуляция на чувствах этнического родства и религиозной близости русских и сербов.

Однако непредвзятый взгляд отметит и новые черты ситуации, принципиально меняющие характер взаимоотношений и оценку ситуации:

— исчезли крупные многонациональные империи;

— кардинально изменились границы России, удалившиеся на тысячи километров от Балкан;

— исчезло противостояние двух военно-политических блоков в Европе;

— в результате нескольких обострившихся одновременно кризисов — тоталитарной системы, идеологии коммунизма, этнотерриториальной федерации — распались Югославия и СССР;

— абсолютный и полный крах потерпела «славянская идея» и как основа для создания однородного государства, и как теория национального единства, и как принцип международных отношений, и как псевдоальтернатива национализму.

Вместе с тем данный конфликт был и остается отражением некоторых общемировых и региональных тенденций конца XX века. Прежде всего это обострение межэтнических отношений во всем мире, в том числе и в Европе. Сюда же можно отнести присущее национальному сознанию народов Восточной, Юго-Восточной, а также части Центральной Европы отождествление понятий «нация» и «национальность», а также обострение межэтнических отношений в процессе национального самоопределения после крушения тоталитарных режимов.

В российском не только обыденном, но и научном историческом сознании возникло и закрепилось несколько мифологических подходов. Проявляются они и в сфере российской внешней политики. Многие часто противоречат друг другу. Один из них заключается в том, что взаимоотношения между югославянскими народами якобы определяются прежде всего их различной религиозной принадлежностью. Согласно другому мифу, эти народы или были в прошлом, или являются сейчас, или могут стать в будущем одной этнической общностью. Сторонники третьего мифа убеждены в том, что все югославянские народы, кроме сербов (как ранее — кроме болгар), негативно относятся к России и к русским. На основе подобных подходов сложились мифологические же представления о различных сторонах разворачивающегося ныне балканского конфликта.

«Сербский миф» — представление о Сербии как о единственном верном и вечном союзнике на Балканах восходит к прошлому веку. В его основе лежали стратегические интересы России, соперничавшей с Турцией и Австро-Венгрией, а также факты этнического родства, этнической близости и православного «братства» русских, сербов и черногорцев, совместной борьбы Сербии (Югославии) и России в двух мировых войнах. (При этом Югославия воспринималась — а нередко и сегодня воспринимается — многими как сербское этническое государство.) Подобные устремления на рубеже XIX—XX веков восторженно встречались частью российского общества, не видевшей или не хотевшей видеть, что их осуществление не принесло бы самой России ничего, кроме дополнительных трудностей. Не говоря уже о том, что это не принесло бы полного освобождения тем самым братьям-славянам, о которых так много и напыщенно говорилось, не означало для них свободы выбора и обеспечения права на самоопределение. Россия в своих отношениях с югославянами преследовала собственные цели, хотя часто они были продиктованы не трезвым расчетом, а романтическими иллюзиями. При этом и Россия, и Сербия действовали в соответствии со сложившимися тогда нормами и представлениями о международной политике, будучи не «лучше» и не «хуже» других. В то же время часто не учитывают существеннейших отличий в структуре и самой основе сознания российского общества в конце XIX и в конце XX веков. В чем же совпадают положение и интересы сербов и русских? Что дает основание для многочисленных историко-политических спекуляций? Прежде всего рухнули государства, которые и русские, и сербы считали своими национальными

государствами и которые, будучи реально многонациональными, обеспечивали государственное единство их этнических территорий. Это были государства, в которых и русским, и сербам исторически принадлежала государствообразующая роль.

Во вновь возникших на месте бывших имперских образований государствах часть сербов и русских впервые оказались в положении национальных меньшинств. К этому они не были подготовлены ни юридически, ни психологически. Кроме того, распад и СССР, и СФРЮ означает как для сербов, так и для русских известную утрату своего положения в международном сообществе. В одночасье они оказались без «своих» государств, с новыми, трудновоспринимаемыми границами, без традиционных союзников и партнеров, лицом к лицу с новыми национальными государствами, народы которых не забыли нанесенных в недалеком прошлом обид. Их, представивших себя освободителями и спасителями «братских» народов от чужеземного угнетения, обвинили в подавлении свободы и национальном угнетении. Могло ли пройти бесследно для массового сознания, воспитанного на мессианстве, такое потрясение?

Конечно, все это не могло не породить у сербов и русских чувств оскорбленности, униженности, национального поражения, одиночества, угрозы национальному существованию. Тяжелый груз лег на историческое национальное сознание. Необходимы были новые мировоззрение и мироощущение, новые концепции национальных интересов и национальной безопасности, бесконфликтное сознание. К сожалению, ни у российских, ни у сербских демократов не оказалось времени, сил и профессиональной подготовки для решения этой задачи. Консервативная часть населения и отражающие их интересы и настроения политики, ученые, литераторы обратились в поисках ответов к опыту дореволюционной России, к пропагандировавшимся тогда идеологии и психологии православной общности славян. Все еще принято считать, что это всегда совпадало с национальными интересами русских и с государственными целями России.

Проблема и трагедия самоопределения бывшей государствообразующей нации-национальности после распада многонационального государства не нова. Ее пережили и австрийские немцы, и венгры после распада монархии Габсбургов, или Австро-Венгрии, ее пережили русские в 1917—1922 годах, ее переживают сейчас русские и сербы.

У бывшей государствообразующей национальности самоопределение в сознании, как правило, отождествляется с величием, а величие — с военной мощью и размером территории. При этом в расчет не принимаются ни экономическая жизнеспособность и эффективность данного образования, ни его способность обеспечивать своим гражданам достойный уровень жизни, прав и свобод. Возникающие проблемы выдаются за некий «особый национальный путь развития». В основе этой теории лежит идея о том, что единственным субъектом права — имущественного, государственного и др. — может быть только общность, в данном случае этническая. Понятие права связывается с принадлежностью отдельного человека к этнической общности, что неизбежно ведет к отрицанию прав личности, гражданина. Эта трагедия постигла сербский народ.

«Хорватский миф» также имеет давнюю историю и в основе его лежит представление, что хорваты как католики (к тому же проживавшие на территории давнего соперника России — Австро-Венгрии) недружественно относятся к России. Кроме того, в хорватских устремлениях в Санкт-Петербурге традиционно видели препятствие к осуществлению сербских целей. Сотрудничество же с национальным хорватским движением ничего не сулило Российской Империи, кроме осложнения отношений с Австро-Венгрией.

Отечественное общественное мнение гораздо меньше было информировано о положении югославян, проживавших в Австро-Венгрии, психологически гораздо равнодушнее относилось к их судьбе. Хотя среди части правительственных кругов и населения, склонных к поддержке экстремальных форм русского национализма, существовал определенный интерес к югославянам Австро-Венгрии. Но они рассматривались лишь как средство борьбы с империей Франца-Иосифа, как

источник разведывательной информации и внутренней нестабильности Австро-Венгрии.

Трагедия хорватского народа состоит в том, что, разочаровавшись во второй половине XIX века в своих надеждах на Россию и Францию, наиболее радикальная часть хорватского национального движения обратила свои взоры на Австрию и Германию. После поражения Германии в двух мировых войнах все сторонники государственной независимости Хорватии неизбежно воспринимались не только российским (советским), но и мировым общественным мнением как сторонники германского милитаризма и фашизма. Не были забыты теория и практика Независимого Государства Хорватия времен Второй мировой войны, печально известного целенаправленным уничтожением сербов, евреев и цыган.

Но сама по себе идея национального независимого хорватского государства не имеет ничего общего с фашизмом. У нее та же историческая и этническая обусловленность, та же правовая легитимность, что и у идеи создания подобных государств у других народов, в том числе и сербов.

«Мусульманский миф» тесно связан с нынешней ситуацией в самой России. Босняки («мусульмане») воспринимаются как враги европейской, и особенно русской и сербской, «православной» цивилизации. События на Балканах рассматриваются как глобальное противостояние славяно-православного и мусульманского миров, цивилизационное и политическое.

В подавляющем большинстве россияне не знают, быть может, не хотят видеть, что трагедия босняков («мусульман») самая пронзительная. Будучи потомками славян, принявших во времена османского господства ислам по экономическим и правовым соображениям, сегодня они платят страшную цену за своих предков. Светские люди, коренные европейцы, они во многом стали чужими для европейцев, в сознании которых (беспочвенно или нет — другой вопрос) витает образ мусульманина-террориста. Многие европейцы опасаются возникновения на континенте мусульманского государства, которым они считают Боснию. Но босняки-мусульмане — коренные жители Европы, европейцы по образованию и ментальности, в большинстве — этнические славяне. Почему они должны оплачивать исторические итоги османского завоевания?

Возникает ситуация, в которой, даже поддерживая правительство Сараево, Европа отвергает босняков как «исламских террористов». Не будем забывать, что Босния-и-Герцеговина в 1992 году была признана международным сообществом, в том числе и Россией, как светское многонациональное государство, в котором проживают и босняки-мусульмане, и сербы, и хорваты. Но разговорами об «исламском государстве в Европе» европейцы сами толкают Боснию к установлению контактов с наиболее радикальными исламскими силами и режимами.

Фетиш национального самоопределения

В отечественной науке долгое время было принято полагать, что этнообразующие процессы совпадают по направленности с политическими центробежными тенденциями и даже составляют их основу, а межэтнические интеграционные процессы стимулируют и цементируют, соответственно, центростремительные тенденции. При этом отождествляются интеграция, этнический унитаризм и государственный централизм, с одной стороны, и партикуляризм, сепаратизм, изоляционизм, автаркия, децентрализация — с другой. Как и самоуправление, и автономия. Между тем это совершенно разные по своей природе и сути явления.

Создается впечатление, что самоопределение в нашем сознании превратилось в неизменное, раз и навсегда данное право этнической общности, некий неизменный принцип. Но национальное самоопределение — исторически длительный процесс. Его нельзя свести к единовременному политико-правовому акту, к юридическому принципу или политическому лозунгу. Более того, остается неясным, почему именно этническая общность должна обладать извечной привилегией быть субъектом государственного права. Национальное самоопреде-

ление целесообразно рассматривать не только как единовременный политико-правовой акт, но как этнополитический и психологический процесс, имеющий длительную историческую протяженность и свои хронологические, национальные и региональные отличия у разных народов.

Самоопределение не сводится, как представлялось теоретикам XIX — начала XX века, к факту провозглашения независимости и к созданию национального государства, охватывающего территорию компактного проживания этнической общности, составляющей там большинство населения. Понятие политического самоопределения объемнее государственного. Оно включает в себя не только отделение этнотерриториальной общности от многонационального государства и создание органов государственной и судебной власти, представительных учреждений, но и общественные движения, политические партии, национальные движения, электорат, формирование сознания. Требование политического самоопределения отдельной этнической общности далеко не всегда выступает во многонациональном и полиэтническом государстве в роли дезинтегрирующего фактора.

Отношение к национальному самоопределению, восприятие этого феномена и трактовка его лозунгов и принципов зависят от политических симпатий, особенностей профессионального сознания, личного, этнического и исторического сознания — отношения к прошлому, способности отказаться от мифов и стереотипов. При этом выводы зависят и от политической ориентации, и от особенностей профессионального мышления. Ошибка у всех общая, но ее причины различны. Если у одних российских ученых преобладает тяга к национальному или коммунистическому мифу, то у других — стремление свести все историческое и национальное своеобразие к упрощенным социологическим и политологическим схемам. Абсолютизируются отличительные черты посткоммунистической стадии развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, совпадение политических ситуаций, но при этом упускаются особенности, обусловленные историческим и этническим, региональным развитием. Исчезает грань между прошлым и настоящим, а будущее видится лишь как возвращение в прошлое.

Трагедия состоит в том, что, приняв и абсолютизовав старый лозунг национального самоопределения, приравняв нацию к национальности, забыв, что существует проблема самоопределения не только небольших и не обладающих всеми правами народов, но и бывших государствообразующих национальностей, чей этноним совпадал с общеимперским политонимом, нынешние российские, как и югославянские интеллектуалы-демократы, сами того не желая, проложили дорогу великодержавию и национализму. Борясь против коммунистической империи, они вымостили дорогу к моноэтническим централизованным государствам.

Процесс национального, в том числе и политического, самоопределения народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы продолжается. Каждый народ ищет свои формы самоопределения. Это обстоятельство ставит вопрос о пересмотре унаследованных от XIX — начала XX века представлений. Опыт полиэтнических государств, в основу которых положен принцип этнической близости населявших их народов, предостерегает от абсолютизации и принципов национально-политического самоопределения, рассматриваемого как одновременно политико-правовой акт и пан-идеология.

На мой взгляд, одной из основных причин кризиса и распада Югославии стал процесс самоопределения не обладавших всеми правами этнических общностей этого государства — хорватов, словенцев, боснийских мусульман и др. Причина войны, т. е. силового варианта процесса самоопределения, состоит в том, что распад единого государства означал самоопределение не только не имевших всех прав в рамках бывшей СФРЮ народов, но и бывшей государствообразующей нации-национальности — сербов.

Можно выделить две стадии и формы конфликта. На первой это был конфликт всех претендовавших на государственное самоопределение народов с государствообразующей нацией-национальностью — сербами. На второй во вновь образовавшихся государствах начался конфликт сербов, ставших меньшинством, с новыми

государствообразующими нациями-национальностями, превратившимися в большинство. Сербы в целом не смогли примириться с крушением государства, которое считали своим этническим государством. А сербы в Хорватии и Боснии-и-Герцеговине не смирились с новым положением национального меньшинства, к которому не были готовы ни психологически, ни практически, ни юридически.

Именно это и стало одной из главных причин войны — независимо от субъективных стремлений и чисто политических интересов политиков и различных группировок. Хотя известны иные пути решения сложившейся исторической проблемы. Их продемонстрировали, в частности, австрийцы и венгры после распада Австро-Венгрии, русские после развала СССР.

«Славянское братство»

История общеславянского сознания и самосознания славянских народов, его хронологические, географические и национальные отличия привлекали и будут привлекать исследователей. Обращение к данной тематике в настоящее время не только ученых, но и массового сознания этих народов, связано с кризисом их национального сознания, с необходимостью переосмысления истории, с новой этнополитической реальностью — распадом многонациональных славянских государств и возникновением на их месте нескольких новых, тяготеющих к моноэтничности государственных образований, с появлением между ними конфликтных отношений в разных формах и с разной степенью напряженности.

На первый и самый главный из возникающих вопросов: «Что такое общеславянское сознание?» — сами «общеславянские мыслители» почти никогда не давали научно обоснованного ответа. Общее понимание таких терминов, как «славянское единство», «славянское братство», «славянская взаимность», «славянская солидарность», «славянский вопрос» и др., отсутствовало и отсутствует. «Что такое славизм? — Нет ответа», — писал еще К. Леонтьев в 1875 году [5].

Во все времена и у всех славянских народов общеславянское сознание было неотъемлемым компонентом национального сознания, при этом оно никогда не было исключительно «прогрессивным фактором». Будучи разновидностью этнического национализма, оно входило в конфликт с узким этническим национализмом и далеко не всегда совпадало по направленности с процессом национального самоопределения каждого славянского народа.

На определенных этапах развития каждого славянского народа, как и славянской общности в целом и ее разновидностей, общеславянское сознание не только не способствует развитию национального сознания, но и препятствует ему, будучи более архаичным, мифологизированным, основанным на этнических стереотипах, консервативным по своей сути. Возникающий конфликт ведет к кризису «славянской идеи», в ходе которого национальное сознание каждого народа заново перерабатывает свой «славянский» компонент, находя ему новое место во внутренней структуре и придавая новое толкование. При этом возникают теории, пытающиеся представить полиэтническую общность как единый субъект государственного права и политических отношений.

Парадокс истории югославянских народов состоит в том, что узкому этническому национализму противопоставлялась в качестве альтернативы региональная разновидность панэтнического национализма. Естественно, он не мог стать основой долговременного урегулирования межэтнических конфликтов и основой национального самоопределения. Идеи «пролетарского интернационализма» причудливым образом переплетались с идеей «югославянского братства». При этом неизбежно в новом контексте возникает вопрос: что понимать под самоопределением? Самоопределение каждого отдельного народа или же совместная борьба за право на самоопределение нескольких родственных народов при признании их этнической индивидуальности и суверенитета каждого из них в рамках единой полиэтнической общности как субъекта государственного права? Либо, наконец,

борьба за существование некоего единого в этническом, политическом, государственном и правовом отношении целого?

Социально- и этнопсихологические причины относительной распространенности различных вариантов «славянской идеи» в современной России состоят в следующем. Сейчас у многих людей при полном крахе прежней идеологии, при отсутствии развитого структурированного гражданского общества, которое не может не быть полиэтническим, понятие имущественного права ассоциируется лишь с принадлежностью к этнической общности, которая якобы одна и может обеспечить эти гарантии. Вместо прав гражданина, личности — права коллективов, общностей. Именно здесь находится и источник непрерывных конфликтов на Балканах между славянскими народами [6].

Русское национальное сознание соединяется с панславистской идеологией. В то же время «братство всех трудящихся» и «славянское братство» оказываются удивительно схожими как часть сознания людей, не приемлющих «западного» образа жизни. У таких людей этническое сознание поглощено, раздавлено государственным сознанием, превратившимся потом в имперское.

Часть русского населения крах империи воспринимает как национальную катастрофу, как прекращение истории своего этноса — исчезновение государства, которое они (как и сербы Югославию) считали своим национальным (т. е. этническим) государством. Ведь многие до сих пор убеждены, что государственные границы должны совпадать с этническими. Но этническая общность не может быть субъектом государственного права и собственником территории. Вновь повторю: у нас величие национальности отождествляется с величием государства, которое приравнивается к величине территории и военной мощи. С этим обстоятельством связана и конфликтогенность общеславянского сознания: противоречия между самими славянскими народами сыграли значительную роль в возникновении двух мировых войн.

Отсюда и определенная неадекватность представления о месте русских и России в современном мире. Многие по наивности или по незнанию убеждены, что раз русские, украинцы и белорусы (и, соответственно, сербы, хорваты и словенцы) — этнически близкие народы, то и жить они должны в одном государстве. Либо вообще отрицается существование украинцев и белорусов, хорватов и словенцев или даже выдвигается спекулятивный лозунг «русские и сербы — один народ». В частности, определенное распространение в Сербии и Черногории получила теория создания единого славянского государства от Тихого океана до Адриатического моря. Мечты о «великом государстве», которое охватило бы максимально возможную территорию, о господствующем положении своей национальности в этом государстве — понятные психологические реакции на испытанное унижение, которые коренятся в идее совпадения государственных границ с этническими.

Славизм в целом, так же как и его региональные и национальные варианты (югославизм), не смог стать долговременной конфликтопримиряющей силой. Он превратился в конфликтогенный фактор, противоречащий в данных исторических условиях и процессу национального самоопределения, и процессу становления демократической политической системы.

Вплоть до середины нашего столетия югославизм играл положительную роль, служа противовесом как узкому этническому хорватскому национализму в Хорватии, отрицавшему сам факт существования сербов на этой территории, так и великодержавным устремлениям Сербии, сербскому национализму, восходящему к идее создания единого государства всех сербов, где бы они ни проживали. Эта концепция отчасти совпадала по направленности с интеграционными процессами в государстве Габсбургов, с процессом самоопределения проживавших в нем народов. (Что, однако, вовсе не было идентично развалу существовавшего и созданию новых независимых государств.)

В то же время многие видели в югославизме альтернативу узкому сербскому и хорватскому этническому национализму. Это была попытка смягчить противоречия между сербами и хорватами, чей этноним совпадал с названием

административно-политического образования в Австро-Венгрии (с 1868 года) и восходил к названию средневекового государства (X век). Необходимой составной частью многих вариантов югославизма являлась идея об этническом и государственном единстве сербов и хорватов.

Югославизму во всех его формах, с одной стороны, были присущи отрицание политической индивидуальности каждой славянской этнической общности, отказ от права на самоопределение каждого славянского народа, признание преобладания прав этнической общности над правами индивидуума и права межэтнической общности над правом отдельного этноса. С другой стороны, в прошлом он противостоял государственной идее и правовой практике государства Габсбургов. Однако в перспективе он не мог стать реальной и долговременной альтернативой имперской идее и привел к кровавым межэтническим конфликтам в 1941—1945 и 1991—1995 годах.

Югославизм внутренне противоречив: исходя из идентичности национальности и нации и будучи средством и идеологией борьбы за самоопределение, он содержал в себе как раз его отрицание. Отрицая узкий экстремистский национализм, основанный на этнической общности, он стал одной из утонченных паннациональных теорий и иллюзий, за которые народам пришлось дорого заплатить. Он противоречил внутри- и межэтническим интеграционным процессам, способствовал партикуляризму, изоляции более отсталых областей. Национальное же и этническое единство нескольких народов оказалось иллюзией, так же как и попытка примирить противоречия между ними путем объединения в одно государство. Равно как и попытки создать один «сербско-хорватский язык» или считать принадлежность к православию, католицизму или исламу главным этнодифференцирующим признаком, соответственно, сербов, хорватов и босняков.

Еще один исторический парадокс состоит в том, что угроза национальному существованию каждого югославянского народа происходила как из сохранения общего югославского государства в том виде, в котором оно существовало и до и после Второй мировой войны, так и из распада этого государства. Югославизм оказался несостоятельным как антитеза моноэтническому национализму, ибо он (подобно всем остальным панславистским теориям) был основан на идее и психологии этнического родства и являлся, по сути, политэтническим национализмом, который так или иначе, раньше или позже ведет к отрицанию этнической индивидуальности и вступает в противоречие с процессом самоопределения этнических общностей.

Югославизм не стал и не мог стать альтернативой моноэтническому национализму, так как исходил из представления «одна территория—одна национальность—одна нация—одно государство—один язык». А закономерности процесса национального самоопределения родственных народов, входящих в одно многонациональное государство, не отличаются от закономерностей самоопределения этнически далеких друг от друга народов, проживающих в таком государстве. В результате югославизм закономерно (хотя и на первый взгляд парадоксально) из интегрирующего превратился в очень сильный дезинтегрирующий фактор по отношению к общему государству югославянских народов.

Югославизму, ставшему государственной идеологией, формально противостояли «национализм и сепаратизм». В результате процесс самоопределения югославянских народов был лишь загнан внутрь и деформирован. Парадокс заключается и в том, что узкому этническому национализму противопоставлялась в качестве альтернативы региональная разновидность панэтнического национализма. Естественно, он не мог стать основой долговременного урегулирования межэтнических конфликтов и основой национального самоопределения.

Таким образом, в нынешней ситуации «славянская идея» не может принести смягчения межэтнических и межгосударственных конфликтов, наоборот, как показывает опыт югославянских народов и государств, только усиливает их. Не годится она ни для восстановления внешнеполитического влияния России, ни для решения ее внутренних проблем.

Новый этап национального самоопределения и наука

С распадом многонациональных государств, какими были СССР и СФРЮ, неизбежно начинается новый этап национального самоопределения. Он включает в себя новое осознание и своей нации, своей национальности, и своего государства. Поиск этого самоопределения идет разными путями и в разных формах. Происходят абсолютизация той или иной исторической стадии или государственной формы процесса национального самоопределения, перенос традиционных принципов в современность, поиск в прошлом ответов на проблемы нынешнего и будущего развития.

Разные части населения произвольно выбирают в прошлом свой объект — период в истории или народ — для подражания и обожания и начинают его абсолютизировать, метафизически вырывая из исторического, географического или культурного контекста. Для одних, например, таковым становится Российская Империя, для других — СССР, причем нередко не в целом, а в связи с деятельностью того или иного сильного, не ограниченного законом или иными элементами политической системы правителя. Народ же (в традиции германской философии XVIII — начала XIX века) наделяется некими «вечными» чертами, качествами и интересами, ему отказывают в развитии. В ответ на подобного рода настроения уместно вспомнить слова хорватского писателя М. Крлежа: «Народы в истории не являются чем-то неизменным ни нравственно, ни физически, и не надо их идеализировать ни абстрактно, ни в принципе как единые и цельные организмы, которые сохраняются в пространстве и во времени по неизменным законам. Народы постоянно изменяются, и наши народы — не исключение» [7].

Происходит и региональное самоопределение каждого народа. Он неизбежно относит себя к какому-либо из историко-географических регионов — Восточная, Центральная, Западная Европа, Евразия (границы регионов также менялись с ходом истории). В современном российском сознании соперничают две основные тенденции — европейская и антиевропейская. Региональная самоидентификация пока четко не определена: что есть Россия — Европа или Восточная Европа, Евразия или Азия? В то же время распространены отрицание западноевропейского пути и пренебрежительное отношение к Центральной и Юго-Восточной Европе. Во многом это связано и с тем, что Россия не сделала внутренний выбор: быть ли ей государством одного народа или сообществом народов, быть ли национальным моноэтническим государством или государством национальностей.

Мучительные поиски своего пути своеобразно преломляются и в отношении к балканской проблематике. Значительная часть российского общественного мнения воспринимает именно сербов как народ, а Сербию (Югославию) как полноправное государство. Такой подход объясняется прежде всего относительной общностью на данном этапе исторической судьбы русского и сербского народов в условиях распада многонациональных государств. Свой отпечаток накладывают также и исторические судьбы двух народов, связанные с противостоянием исламскому миру, и этническое родство, и принадлежность к одной религии, отождествляемая с цивилизационной принадлежностью.

Но эти настроения стали относительно доминирующими среди российской политической элиты лишь в последнее время. В 1991—1992 годах та часть российского политического спектра, которая относилась к демократам, столь же схематично и некорректно отождествляла Украину и Хорватию, Словению и Республику Прибалтики. Они не видели принципиальных исторических и иных различий в ситуации, сложившейся в СССР и СФРЮ, не только абсолютизировали общие закономерности развития многонациональных социалистических государств, но и механически переносили и смешивали как стадии развития народов, так и черты конкретной политической ситуации.

Сейчас остро необходим непредвзятый и профессиональный анализ исторического опыта России и русского народа, реальных, а не вымышленных и мифологизированных событий, всего, что происходило, в том числе и в отношениях между Россией и югославянскими народами в XIX — начале XX века. Ибо

отнодь не всегда и не во всем совпадали интересы русского и сербского народов, а тем более государств. Сегодня ясно видно, что за неверное понимание сути отношений между славянскими народами Россия, ввязавшись в Первую мировую войну, заплатила миллионами жизней и получила «в награду» Октябрь 1917 года. Затем она с лихвой «вернула долг» Сербии, навязав в ходе Второй мировой войны всем югославянским народам и государственное единство, и жестокий тоталитарный режим по собственному образцу.

В обстановке распада многонациональных государств и обострения межэтнических конфликтов история неизбежно становится орудием межнациональной и политической борьбы. Эта тенденция приводит не к получению реального знания, а к созданию мифов и стереотипов по отношению к другим народам и государствам. Тем самым в сознании стирается грань между прошлым и настоящим, в прошлом видится будущее, а место знания и анализа занимают упрощенные схемы. Ни историческое сознание, ни история как наука не могут выполнять функции, которые ей приходится выполнять после краха социального и государственного сознания в 1991 году. Хотя нельзя не отметить, что исследовательские и аналитические работы последнего времени помогают преодолеть мифы, сложившиеся не только в научном, но и в общественном национальном историческом сознании [8—10].

Место, которое занимает «югославский кризис» в сознании современных россиян, определяется общим состоянием нашего сознания, его внутренней структурой, соотношением его форм и исторически обусловленной деформированностью, а не только реальной политической ситуацией. Когда говорят и пишут об отношении к «югославской проблеме» в России, в основном имеют в виду русских, игнорируя тот факт, что, например, у мусульман — граждан России — совершенно иное восприятие этих событий. Кроме того, Югославия — как межвоенная, королевская, так и послевоенная, «титовская», — воспринимается российским общественным сознанием не как многонациональное и полиэтническое государство, а как национальное этническое государство сербов.

При этом оценка развития событий, позиция политиков и исследователей зависят и от политической ориентации, и от особенностей профессионального мышления. Ошибка у всех общая, но ее причины различны. Если у одних российских ученых преобладает тяга к национальному или коммунистическому мифу, то у других — стремление свести все историческое и национальное своеобразие к упрощенным социологическим и политологическим схемам. Например, абсолютизируются отличительные черты посткоммунистической стадии развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, совпадение некоторых черт политической ситуации в каждой из стран, но при этом упускаются обусловленные историческим и этническим, региональным развитием особенности. Стирается грань между прошлым и настоящим, исчезает понимание того, что народы в ходе истории изменялись и ныне живущие их представители обладают во многом иной индивидуальностью, самосознанием, характером. Будущее же видится лишь как возвращение в прошлое.

Кроме того, вольно или невольно происходят политологизация и социологизация политического и исторического сознания, что часто ведет к превращению присущих этим наукам схем в орудие дезинформации при принятии решений. Это беда не только России, но и всего мира. Есть и отечественная специфика: расставшись с марксистско-ленинской схемой (часто только на словах), значительная часть исследователей стала абсолютизировать схемы (особенно предлагающие рецепты глобального решения всех проблем), удобные для обучения, но часто весьма далекие от реальности. Часто встречаются попытки объяснить происходящее простой подстановкой сходных на первый взгляд элементов, исходя из модных схем Ф. Фукуямы, С. Хантингтона или Э. Геллнера при абсолютизации их подходов. Из отечественных исследователей популярным «пророком» стал Л. Гумилев. (Речь идет не о сути их концепций, а об их некритическом и внеисторическом восприятии российским научным сознанием.) Упрощенные, не корректные с точки зрения исторической науки оценки, схемы и

аналогии превращаются в мифы, которые, в свою очередь, соединяясь с конфликтными этническими стереотипами, разят не столько противника (поскольку у него та же схема, и он невосприимчив к такому рода «атакам»), сколько собственное историческое сознание — память нации и научное знание.

Использование истории для непосредственных политических и политологических параллелей не способствует, а лишь препятствует новому самоопределению, верному ощущению и сознательному нахождению своего места народом и государством во времени и пространстве на новом этапе процесса самоопределения. Историческая наука оказывается жертвой, а историки (как, впрочем, и представители других гуманитарных наук) — орудием в войне. Происходит резкое изменение роли исторического сознания в жизни государства и еще не сформировавшегося общества. После краха социальной системы и многонационального государства именно этническая общность, стремящаяся к превращению в нацию-национальность, становится основой мировоззрения и мировосприятия.

Гуманитарные науки играют очень важную роль в возникновении, развитии и предупреждении такого рода конфликтов. На начальной стадии они являются барометром, который показывает симптом неблагополучия. Потом они превращаются в оружие в разразившейся войне. Если, скажем, проанализировать нынешнюю политико-пропагандистскую войну Сербии и Хорватии, то бросаются в глаза общность приемов, методов, парность взаимных упреков и исторических мифов, которыми стороны «обосновывают» свои претензии на территории и друг к другу. Но став оружием, гуманитарные науки становятся и одной из первых жертв конфликта. Вместе с тем они могут оказаться и бальзамом, успокаивающим и заживляющим раны на душе народов.

В результате упрощенного и часто некомпетентного освещения и анализа событий в Югославии до и после ее распада в России сложился мифологический образ православного воинственного и благородного витязя-серба, противостоящего коварному милитаристу — хорвату-католику и мусульманину-террористу. На Западе господствует столь же мифологизированный образ сербского коммунистического агрессора, воюющего против истинных демократов.

Объективное и непредвзятое знание истории, трезвое осознание преемственности политической традиции необходимы каждому народу и государству для осознания своего места в истории, для правильной ориентации в текущей политике. А склонность к абсолютизации вневременных моделей и схем, некорректных аналогий приводит к таким же печальным последствиям, что и восприятие этнической и исторической неповторимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В. К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1995. № 4—5.
2. Романенко С. А. Югославия: от «братства и единства» к войне и распаду // Точки тревоги в Восточной Европе. М., 1994.
3. Geis I. Die Jugoslawienkrieg. Frankfurt-am-Main, 1993.
4. Finkielkraut A. Kako se to moze biti Hrvat? Zagreb, 1992.
5. Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 42.
6. Евстигнеев В., Романенко С. Экономика и национализм // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 2.
7. Cendic E. Krljeza. Zagreb, 1982. S. 395.
8. Балканы между прошлым и будущим. М., 1995.
9. Евстигнеев В., Романенко С. Экономика и история: необходимость рационального самоосмысления // Общественные науки и современность. 1995. № 5.
10. Современная история Югославии в документах. Т. 1. М., 1992; т. 2. М., 1993.